

Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.)

Александр Ватлин

The last days of German Empire in reports of the soviet ambassador Adolf Joffe (October 1918)

*Alexander Vatlin
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870001573-8

Образ «другого» — один из самых популярных трендов современной историографии. Применительно к международным отношениям это был образ другой страны, её государственного строя, политики и культуры, на протяжении столетий формировавшийся профессионалами, будь то купцы и путешественники, шпионы и дипломаты. Лишь в XX в. решающую роль в данном процессе стали играть СМИ и не всегда подвластное им общественное мнение. Однако экспертные оценки не потеряли значимости. Дипломаты, благодаря постоянному пребыванию за рубежом и контактам с местными правящими элитами, обладают максимальным потенциалом для создания объективного и развёрнутого образа страны своего пребывания, который ложится затем в основу внешнеполитических решений. Дипломатическая переписка и по сей день остаётся одним из самых востребованных и «богатых» источников для работы историков, она содержит широкий спектр информации о внутренней политике и общественно-политическом климате в той или иной стране.

Это вдвойне справедливо применительно к периодам, когда посольства являлись единственным мостиком между двумя государствами, единственным каналом их взаимодействия. Такая ситуация сложилась в советско-германских отношениях после заключения Брестского мира.

Правительство большевиков было вынуждено принять «грабительские» условия немецкой военщины в обмен на мирную передышку. Договор, подписанный 3 марта 1918 г., подразумевал «немедленное возобновление дипломатических и консульских сношений»¹, что стало первым шагом навстречу друг другу вчерашних противников в Первой мировой войне.

Назначение на пост чрезвычайного и полномочного представителя Советской России Адольфа Абрамовича Иоффе — одного из самых активных оппонентов главы советского правительства В.И. Ленина в период дискуссий о сепаратном мире с Германией — было выверенным тактическим шагом. Так Ленин давал сигнал о том, что время разброда и шатаний закончено, и в руководство партии вновь вернулось железное единство. Для правящих кругов Германии назначение Иоффе стало крайне неприятным сюрпризом, ибо озна-

© 2018 г. А.Ю. Ватлин

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 1. М., 1968. С. 369.

чало: большевики сохраняли курс на всемерную поддержку европейской социалистической революции.

Неудачное для революционной пропаганды использование брестских переговоров, обернувшееся колоссальными геополитическими потерями для Советской России, многому научило Иоффе. Прибыв в Берлин в середине апреля 1918 г., он чувствовал себя уже не только революционером, но и государственным деятелем. Показательно, что персонал советского полпредства первым делом стал готовить приём для немецких левых социалистов, приуроченный к 1 Мая, и бороться за возвращение здания российского посольства на бульваре Унтер-ден-Линден, на которое претендовало и украинское представительство². Оказавшись «един в двух лицах», полпред олицетворял собой двойственный характер первого этапа внешней политики Советской России, сочетавшей отстаивание революционных идеалов и национальных интересов³.

Показателем этой двойственности стал тот факт, что донесения полпреда Иоффе из Берлина в Москву шли по двум каналам: оперативная информация направлялась в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР, а стратегические оценки и доклады о революционной работе давались им в личных письмах Ленину. Для доставки корреспонденции использовались курьеры, лишь осенью 1918 г. Иоффе получил возможность вести переговоры с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным по телеграфу. Использование находившегося в здании германского посольства в Москве аппарата Юза обеспечивало мгновенную доставку информации, однако не гарантировало секретности (часть записанных переговоров сохранилась только в архиве МИД ФРГ)⁴.

О деятельности советских дипломатов в Берлине в 1918 г. написано немало, однако её освещение ограничивается классическими сюжетами межгосударственных отношений⁵. В тени остаётся аналитическая работа полпредства, оказывавшая серьёзное влияние на формирование внешнеполитического курса советского правительства, а её революционная составляющая до сих пор окружена мифами и легендами. Их источником являются краткие воспоминания самого Иоффе о шести месяцах, проведённых на посту полпреда в Берлине, которые появились уже весной 1919 г.⁶ Превознесение собственной роли в подготовке германской революции должно было помочь его возвращению в ближайшее окружение Ленина. С тех пор уже без малого 100 лет тезис о том, что советское полпредство являлось катализатором революционных событий в Берлине, чучет по страницам известных исторических исследований⁷.

В настоящей статье будет представлен весь спектр информации о внутриполитическом положении Германии, который содержался в более чем десяти развёрнутых донесениях Иоффе, направленных в Москву в октябре 1918 г. То был последний месяц жизни империи Гогенцоллернов и работы советского

² РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 33, л. 95, 102–104.

³ См.: *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: От революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб., 2002. С. 43.

⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее — PAAA). R 20644. Телеграфные переговоры перехватывались немецкими властями начиная с августа 1918 г.

⁵ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966; *Linke H.G.* Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1970; *Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland 1917–1922. Berlin, 1960.

⁶ *Иоффе А.* Германский пролетариат накануне революции // Вестник жизни. 1919. № 5. С. 32–34; *Иоффе А.* Германская революция и Российское посольство // Там же. С. 35–46.

⁷ «Иоффе вёл революционную работу с поразительной наглостью... Позднее, когда Германия уже распадалась, он начал ссужать деньги и поставлять оружие для разжигания возникавших очагов социальной революции. Независимые социалисты превратились, по сути, в филиал Российской коммунистической партии и согласовывали свои действия с советским посольством» (*Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 298).

полпредства, высланного из Берлина 5 ноября 1918 г. Этот переломный момент германской истории сконцентрировал в себе такое количество событий, что Иоффе, по его собственному выражению, в октябрьские дни был вынужден работать за троих.

Нас будет интересовать прежде всего то, каким образом оперативный анализ текущих событий в Германии увязывался им с перспективой европейской революции, в близости которой советский дипломат не сомневался. Выделю три составляющих этого анализа: какой виделась Иоффе конфигурация международных отношений после ставшего очевидным поражения Германии в Первой мировой войне; насколько последнее могло изменить внутривнутриполитическую ситуацию, стать катализатором революционного взрыва в стране; какова была тактика немецких социалистов после возможного краха монархии (согласно образу действий самого полпреда и его сотрудников, чувствовавших себя посланцами «нового мира»).

Весной—летом 1918 г. Иоффе удалось наладить прочные контакты в правящих кругах Германии, включая военную элиту. Перед промышленниками и банкирами он неустанно рекламировал потенциал новой России как торгового партнёра и площадки для масштабных инвестиций. Частью «организованного отступления» советского правительства на международной арене стала подготовка дополнительного договора к Брестскому миру, который был подписан 27 августа 1918 г. и наложил на Россию репарационные платежи в 6 млрд марок⁸.

Если в своих первых донесениях из Берлина Иоффе писал о «полном господстве военной партии» в стране, обещаниям которой о достижении победного мира верили даже оппозиционные политики⁹, то к концу сентября тон его писем в Москву радикально изменился. Войска Германии откатывались к границам страны на Западном фронте, возглавляемая ею коалиция распадалась. Полицейские власти удвоили слежку за зданием и персоналом советского полпредства, подозревая, что там находят укрытие и поддержку немецкие революционеры¹⁰.

Поставленный в этих условиях перед выбором — прямая военная диктатура или создание парламентского правительства — кайзер Вильгельм II был вынужден выбрать второй путь. Генерал-квартирмейстер (заместитель начальника кайзеровского генштаба) генерал пехоты Э. фон Людендорф получил отставку, формирование нового Кабинета министров было поручено принцу М. Баденскому, слывшему либералом. Это давало явный сигнал Антанте о готовности Германии к выходу из войны и уступкам будущим победителям. Соответствующую телеграмму сразу же направили президенту США В. Вильсону — он казался лидерам парламентских партий Германии оптимальным посредником для начала переговоров о мире.

2 октября 1918 г., накануне формирования нового правительства, Иоффе отправил в Москву шифровку о том, что «разгром Германии несомненен». На следующий день в развёрнутом донесении он пояснил, что понимает под этим не безвыходность военно-стратегического положения страны, а социально-политический кризис: «Немцы не желают более вести войны»; «смысл переживаемых событий укладывается в двух словах: армии нет. Есть толпа измученных людей, сдающихся в плен и бегущих с фронта»¹¹.

⁸ Петров Ю.А. Финансовый итог войны: Берлинское соглашение августа 1918 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 952.

⁹ В первом докладе из Берлина Иоффе писал, что победы на Западе вскружили голову германским милитаристам, они «рассчитывают на сепаратный мир с Францией и в связи со всем этим их аппетиты невероятно возрастают» (РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 33, л. 96).

¹⁰ РААА, R 2037.

¹¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 132.

Переходя к анализу новой ситуации, сложившейся в стране, Иоффе верно подметил, что выбор правящих кругов в пользу либерализации был подчинён цели спасти монархию и задержать приход революции. В случае нажима со стороны Антанты Германия могла бы отказаться от Брестского договора, рассчитывая на более мягкие условия мира на Западе. Россия в таких условиях оказывалась разменной монетой в торге великих держав.

Главное внимание полпреда привлекали внутривнутриполитические последствия нового курса Германии: «Парламентское министерство, предлагающее мир и принимающее все требования противника, может задержать вспышку революции: армия и народ, жаждущие мира, сразу успокоятся, как только прекратится война»¹². Развал армии опережал радикализацию настроений в рабочей среде, социалисты продолжали надеяться на сочувствие Вильсона. Из этого Иоффе делал вывод о том, что перемены в стране могут ограничиться политической сферой, и лишь в условиях послевоенного экономического кризиса перерасти в социальную революцию.

В новых условиях революционер в душе полпреда одерживал верх над дипломатом. Информировав Москву о нерешительности левых сил, он заявил о готовности «через головы этих псевдо-революционеров обращаться к немецким массам», но тут же спохватился: «Я увлёкся и забыл, что пишу правительству, а не цека партии. Цека партии своё дело знает, я как член его — тоже. Возвращаюсь к дипломатии»¹³. По иронии судьбы в тот же день, когда он писал в Москву о своих внутренних метаниях, там состоялось заседание ВЦИК, посвящённое выработке нового курса по отношению к Германии. Оно было создано по инициативе Ленина, только что оправившегося от покушения. Сообщения телеграфных агентств из Германии Ленин интерпретировал в радикальном духе, весьма отличавшемся от осторожности Иоффе: страна находится на стартовом рубеже революции, и мы должны помочь её сторонникам сделать решающий шаг вперёд. 1 октября 1918 г. он писал председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкому: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться, как с событием дней ближайших... Все умрём за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперёд начавшейся в Германии революции»¹⁴.

В числе первоочередных мер Ленин требовал готовить запасы хлеба для отправки в Германию и создать к весне трёхмиллионную Красную армию, которая могла бы прийти на помощь немецким рабочим. Резолюция ВЦИК, принятая на основе ленинского письма, указывала на исторический характер произошедшего поворота, поставив его в один ряд с захватом власти большевиками¹⁵. «Сейчас, как и в октябре прошлого года, — писала “Правда”, — как и в период брест-литовских переговоров, советская власть всю свою политику строит в предвидении социальной революции в обоих лагерях империализма»¹⁶.

Публикуя и комментируя стенограмму заседания ВЦИК, советские газеты подчёркивали новую установку — больше никаких уступок германской буржуазии, ибо дни её сочтены. Брестский мир стал тяжёлым испытанием для новой России, но в его «ужасающих условиях мы ни на минуту не видели последнего слова истории». И теперь, когда германская и европейская революция уже не за горами, «мы отмечаем всякую мысль о каком бы то ни было сближении с империалистами согласия (Антанты. — А.В.) в целях изменения брест-литов-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 133.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 50. С. 185, 186.

¹⁵ Подробнее о предыстории и последствиях заседания ВЦИК 3 октября 1918 г. см.: Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 72–82.

¹⁶ Цит. по: Правда. 1918. 4 октября.

ского договора». Любой компромисс с классовым врагом ради обеспечения выгодных внешнеполитических позиций Советской России после завершения мировой войны будет предательством европейского пролетариата, утверждали лидеры РКП(б).

Большевистская партия возвращалась к своим стратегическим целям, линия фронта в мировом противостоянии с капиталом выпрямлялась, и Ленин имел основания рассчитывать на то, что такой поворот вызовет прилив энтузиазма у его российских сторонников. Но весь пафос резолюции ВЦИК был обращён к немецким рабочим и солдатам: «Мы говорим нашим германским братьям: протяните руку к власти, и наши силы будут вашими силами, наши средства будут вашими, наш хлеб будет вашим хлебом»¹⁷.

Ещё не зная о столь радикальном повороте Москвы, Иоффе предлагал вести иную, более осторожную политику в условиях, когда «революция германская, быть может, опять отодвигается, а соглашение империалистов, несомненно, приближается». Независимые социалисты, приходившие к нему на приём, призывали Советскую Россию искать защиты у американского президента («Вильсон у них популярнее Маркса»), ибо выстоять против объединённых сил Антанты она не сможет. «К Вильсону обращаться не следует», считал Иоффе, «но если дело дойдёт до мирного конгресса, следует решительно потребовать нашего участия в нём», использовать его трибуну для революционной пропаганды ещё более активно, чем в Бресте («вопить на весь пролетарский мир»)¹⁸.

Такой подход прямо противоречил установке Ленина на отказ от какого-либо сближения с Антантой. Складывается впечатление, что неудачная оппозиция Иоффе Брестскому миру продолжала оставаться для него незаживающей раной, и к этому сюжету он обращался постоянно, пытаясь реабилитировать своё недавнее фиаско. «Я хотел бы напомнить, — писал Иоффе Ленину 19 октября, — что говорил в Брестские времена, т.е. что, делая ставку на мировую революцию, мы вовсе не давали зарока, что первой на Западе должна быть революция в Германии. Тогда мы, по-моему, сделали ошибку, отдавая слишком малое внимание революционизированию Антанты (в частности, отклонив моё предложение в перерыве Брестских переговоров отправить меня с той же декларацией в Париж или Лондон, для того чтобы потребовать там таких же, как с немцами, переговоров), теперь мы, по-моему, повторим ту же ошибку, если, гипнотизированные близостью пролетарской революции в Германии и Австрии (что ещё не так близко, как думают в Москве), откажемся использовать нашу международную роль и значение»¹⁹.

Иоффе, знакомый с ситуацией в Берлине не понаслышке, резко выступил против ленинской безальтернативности, представленной в резолюции ВЦИК 3 октября. Он писал в Москву, что о революционном перевороте в Германии пока ещё нельзя говорить, как о свершившемся факте: «Боюсь, что Вы и с революцией хватили через край. Подобно тому, как из Бреста мне приходилось поливать вас холодной водой и писать, что революция ещё даже не началась, мне теперь тоже приходится уговаривать Вас, что хотя она, несомненно, уже началась, она развивается гораздо медленнее, чем это для нас желательно»²⁰. Превратившись за один год из пропагандиста-подпольщика в высокопоставленного дипломата, Иоффе стал оппонировать Ленину справа, хотя и не решился на сей раз вынести спор на трибуну партийной дискуссии.

¹⁷ Выступление Л.Д. Троцкого на заседании ВЦИК 3 октября 1918 г. // Правда. 1918. 5 октября.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 133.

¹⁹ Там же, д. 2134, л. 26.

²⁰ Там же, д. 2133, л. 143.

В отличие от кремлёвских пропагандистов, провозглашавших: «Мы теперь не Московия и не Совдепия, а авангард мировой революции»²¹, полпреду пришлось реагировать на протесты правящих кругов и усиление антисоветской кампании в прессе. «Доброжелатели» из числа немецких чиновников убеждали Иоффе, что резолюция 3 октября настроила против новой России даже социалистов и пролетариев²². В целом она была расценена в Германии как ультиматум, подводивший черту под брестским отступлением большевиков.

9 октября полпреда посетил Р. Надольный, отвечавший в германском МИД за отношения с Россией. Он обвинил советских дипломатов в нарушении второго пункта Брестского мира и объявил, что Германия приостанавливает поставки оружия России («Как же, мол, германское правительство может вооружать армию, которая готовится против нас», — пересказывал Иоффе слова Надольного)²³. По неофициальным каналам работникам полпредства стали поступать предупреждения о его закрытии в самое ближайшее время. Ввиду этого Иоффе умолял Ленина избегать слишком резкого тона в советской прессе, недвусмысленно указывая на полемические статьи К. Радека и других глашатаев большевистской диктатуры. Позиции военных ещё достаточно сильны, и они воспользуются любым шансом, «чтобы нас свалить». Это не остановит мировую революцию, заканчивал Иоффе письмо от 10 октября, но может поставить точку в революции российской.

Сразу после получения резолюции ВЦИК советский полпред активизировал свои контакты с немецкими левыми социалистами, объединившимися в Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Эта партия имела собственную фракцию в рейхстаге, и в её состав входила группа «Спартак», находившаяся на крайне левом фланге. На протяжении всего периода своего пребывания в Берлине Иоффе оказывал активистам НСДПГ всестороннюю поддержку, снабжал их информацией о положении дел в Советской России и финансировал партийную прессу. Однако за исключением «спартаковцев» партия так и не встала на позицию безусловной поддержки советского правительства. Более того, такие лидеры НСДПГ, как К. Каутский, пришли к выводу о том, что режим большевиков не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата в её марксистском понимании.

Донесения из Берлина показывают, что Иоффе предвидел неизбежный разрыв с независимцами, считая их слабохарактерными пацифистами, с которыми приходится ежедневно «нянчиться». В его представлении единственным мотором социальных преобразований в Германии могла быть только партия профессиональных революционеров, выкованная по образцу РКП(б), и её отсутствие он называл в своих письмах главной причиной «запаздывания революции» в стране²⁴.

Общение с лидерами НСДПГ приводило Иоффе в отчаяние, которое он не скрывал от Ленина и Чичерина. По его словам, независимцев волновало только скорейшее заключение мира. Вопросы о захвате власти они ставить не хотели и не могли. Они отказывались заниматься подпольной работой, «даже на вооружение не соглашались брать больше, нежели брали». Только «спартаковцы» с должным пиететом внимали словам полпреда, предпочитая не спорить с человеком, олицетворявшим для них победоносную пролетарскую революцию.

²¹ Речь Карла Радека на митинге завода Михельсона // Правда. 1918. 6 октября.

²² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15 об.

²³ Там же, д. 2133, л. 144.

²⁴ Сообщая в Москву о развале армии и открытии Западного фронта, полпред сокрушался, что «всё это происходит при более или менее мертвенном спокойствии в стране, даже в среде пролетариата, и ещё большая беда, что нет партии, которая сумела бы постоянно революционизировать массы и использовала бы все ошибки правительства и правящих партий» (Там же, д. 2134, л. 22).

Чем жёстче было давление на лидеров НСДПГ, тем активнее они сопротивлялись, отказываясь сотрудничать с советским полпредством даже в тактических вопросах. Иоффе писал в Москву, что легально опубликовать резолюцию ВЦИК от 3 октября помешала военная цензура. «Я уговаривал независимцев огласить резолюцию в рейхстаге, но они отклонили с той мотивировкой, что там слишком оптимистические обещания войск и продовольствия, которых мы выполнить не можем». Это вызвало гневную отповедь полпреда: «Вообще независимцы очень плохи, правое крыло надеется на Вильсона, а не на революцию, а левое говорит о революции, но неспособно её делать»²⁵.

Развитие международной ситуации после выхода Германии из войны Иоффе представлял себе как игру на опережение: Антанта будет занимать своими войсками те области исторической России, которые ранее находились под немецкой оккупацией. «Весь вопрос сведётся к тому, что произойдёт, скорее, переход революции на Запад или её подавление на Востоке. Наша политика должна быть прежняя: ставка на мировую революцию, но теперь она может стать гораздо более явно революционной, как в Бресте»²⁶, — писал Иоффе Ленину и Чичерину 7 октября.

Обращение к рабочим стран Антанты через головы их правительств остаётся главным внешнеполитическим ресурсом большевиков, считал полпред, имея в виду то, как будут разворачиваться боевые действия на новом этапе Гражданской войны в России. В частности он отмечал: «Если в ближайшее время английский флот выйдет в Чёрное море, а наш флот, который целиком находится в германских руках, ему никакого противодействия оказывать не будет, если произойдут английские десанты на Дону и на Украине, и смешанные англо-французско-казацко-украинско-белогвардейские войска пойдут на Москву, даже без помощи германских, но и без противодействия с их стороны, — то ещё вопрос, сможем ли мы сопротивляться до тех пор, пока подоспел Германская и Австрийская революции. Конечно, в этих боях с нами будут “разлагаться” и казаки, и украинцы, и белогвардейцы и, несомненно, что революционное настроение там будет перекидываться на германские и австрийские части, — но весь вопрос в том, сколько мы сможем выдержать, и как скоро будет двигаться революция с Востока на Запад»²⁷.

В отличие от Иоффе, который всё ещё сохранял веру в могущество революционной пропаганды, Ленин за год пребывания у власти понял, что доверять можно только мощи силовых структур. Он резко отреагировал на предложение члена Президиума ВЦИК Л.Б. Каменева продолжить дипломатическую игру с победителями: «Наша действительность изменилась, ибо если Германия побита, то становится невозможным лавирование, ибо нет 2-х воюющих, между которыми лавировали мы!! Attention. Англия слопает, если не... Красная армия»²⁸. Мысль о том, что только сильная армия является залогом победы над «всемирным империализмом», неоднократно повторялась в публичных выступлениях Ленина осенью 1918 г.²⁹

Опытный политик Иоффе почувствовал, что новый курс в Кремле обесценивает дипломатическую составляющую его деятельности в Берлине, следовательно, понижает его место в иерархии высшего эшелона РКП(б). Соглашаясь с необходимостью сделать ставку на революционную работу, он пытался убедить Ленина, что без дипломатии не обойтись и в новых условиях, «ибо вместе с *развязыванием* (здесь и далее выделено Иоффе. — А.В.) революции необходимо ещё и удерживать германский натиск на нас». Полпред писал:

²⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 13.

²⁶ Там же, л. 14.

²⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 27.

²⁸ Отточие в последнем предложении сделано Лениным (Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 185).

²⁹ Там же. Т. 37. С. 125.

«Вы несомненно переоцениваете близость германской революции», а мне в это время приходится улаживать мелкие дипломатические конфликты, опираясь на «хорошие отношения со всею здешней мерзостью»³⁰.

Ленин счёл необходимым ответить на доводы своего оппонента в Берлине: после ставшего очевидным поражения Германии главным для судеб нашей революции является уже не «дипломатничанье», а то, «успеет ли Антанта высадиться в Чёрном море большой силой»³¹. В заочной дискуссии с вождём полпреду пришлось оправдываться: он не предлагает идти на поклон к Антанте и ставить перед ней вопрос о пересмотре Брестского мира, но настаивает на том, что участие в мирном конгрессе даст большевикам уникальную возможность революционной агитации³².

Следует отметить, что на аргументы Иоффе обратил внимание Ленин. Он согласился с мнением Наркомата иностранных дел, что следует направить ноту президенту Вильсону, предложив обсудить условия участия Советской России в международной конференции по итогам Первой мировой войны. Предложения Ленина не оставляли сомнений в агитационной направленности данного предложения: «Составить архиобстоятельно, вежливо, но ядовито», преследуя цель «раскрыть глаза народам» на империалистическую политику³³. Нота, составленная Чичериным и отправленная Вильсону 24 октября 1918 г., даже превосходила ленинские установки, являясь, по сути, каталогом претензий к президенту США как выразителю классовых интересов мировой буржуазии³⁴. После её появления вопрос о содержательных переговорах между Советской Россией и странами Антанты был окончательно снят с повестки дня.

Германия, напротив, шла на всё новые уступки в ходе продолжавшегося обмена нотами с президентом США. 16 октября Вильсон потребовал от немецких властей покончить с «властью произвола» до начала прямых переговоров о мире. Иоффе сообщал в Москву, что на общественное мнение страны это требование произвело эффект разорвавшейся бомбы, породив очередную патриотическую волну³⁵. В такой обстановке консервативная часть правящих кругов Германии вновь обратила внимание на Восток, и советское полпредство на какой-то момент вышло из информационной изоляции. Иоффе уклонялся от прямого ответа на вопрос, готовы ли Россия и Германия вместе противостоять Антанте, продолжая раздавать обнадеживающие обещания: союз двух стран «невозможен до тех пор, пока в Германии империалистическое правительство, но Россия никогда не станет на сторону Антанты и по-прежнему, поскольку возможно, готова подкармливать немцев»³⁶.

Не последнюю роль в планах Германии по выходу из войны играло предложение своих услуг странам Антанты для того, чтобы задушить Советскую Россию и тем самым получить достаточно мягкие условия мира. Такую позицию, по сообщениям Иоффе в Москву, отстаивали представители СДПГ в правительстве Макса Баденского. Мнение полпреда тиражировала советская пресса: «Если в Германии удержится коалиционное правительство», оно с благословения «социалиста» Ф. Шейдемана охотно выдаст русскую революцию господам «союзным» империалистам³⁷.

³⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15, 19.

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 195.

³² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 28.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 188.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 531–539.

³⁵ Ответ Вильсона «несколько перегнул палку и опять в стране возникает опасность создания патриотического настроения “Отечество в опасности”. Я не считаю исключённой эту опасность, особенно если Антанта будет слишком нахальной, а Германия будет продолжать свою несомненно умную внутреннюю политику» (РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 21).

³⁶ Там же, л. 18.

³⁷ Украина, Германия, Россия // Правда. 1918. 13 октября.

В то время как правые социал-демократы были изначально списаны со счетов в качестве предателей рабочего класса и законченных оппортунистов (Иоффе во время пребывания в Берлине всячески избегал контактов с лидерами СДПГ³⁸), лидерам НСДПГ вменялись в вину бесхарактерность и трусость. «Независимцы принимают хорошие резолюции, но, несомненно, сдадутся в решительный момент, — сообщал Иоффе. — Они дефетисты *par excellence* и ничего, собственно говоря, кроме мира не хотят, и тут гораздо больше рассчитывают на Вильсона, нежели на революцию и на самостоятельность собственного пролетариата»³⁹.

В резолюции ВЦИК, призвавшей всеми силами помочь германской революции, предлагались меры, не выходявшие за пределы Советской России. В своих записках в Берлин Ленин требовал от полпреда немедленных действий на революционном фронте, хотя и не предлагал конкретных решений⁴⁰. Почувствовав полную свободу рук, понимая, что в Москве ждут от Германии повторения российского Октября, Иоффе многократно усилил революционную составляющую своей работы. Не имея возможности напрямую обратиться к трудящимся массам, он сосредоточил усилия на выработке нового для левых социалистов курса, нацеленного на максимальную конфронтацию с монархией Гогенцоллернов.

Ближайшей целью этого курса стала «раскачка» инертных и неповоротливых немецких рабочих, всё ещё веривших социал-демократии большинства. Иоффе настаивал, что «теперь главным основанием тактики должно быть провоцирование правительства». «Я предлагал им взять в своей прессе гораздо более резкий тон, провоцируя на преследование её, устраивать собрания, провоцируя закрытие их, выступать на них очень резко, провоцируя аресты ораторов и, наконец, устраивать демонстрации, провоцируя столкновения с полицией. Всё это принято ими, но в жизнь ещё не проводится», — сообщал он Ленину 19 октября о своих беседах со «спартаковцами», заметив попутно, что «я ещё не знаю, одобряете ли Вы эту точку зрения»⁴¹.

Полпред явно забегал вперёд, конструируя в письмах ситуацию полного хаоса и безвластия в Германии, аналогичную той, что сложилась в России накануне Октябрьского переворота. Последний являлся для большевиков мерой всех вещей. Иоффе уверял своих немецких соратников, что назревающая революция может быть только социальной, и для её победы необходимо создать партию профессиональных революционеров по большевистскому образцу. В практическом плане это подразумевало стимулирование организационного раскола внутри НСДПГ.

Однако на практике немецкие социалисты оттягивали этот шаг до последнего. В ходе подготовки политической демонстрации в Берлине, назначенной на 16 октября, независимцы отказались выпустить воззвание от имени своей партии, мотивируя это тем, что часть её руководства была арестована. Воспользовавшись этим, Иоффе настоял на скорейшем проведении особой конференции «спартаковцев». Она состоялась 12–13 октября 1918 г. в Берлине, но из конспиративных соображений советская пресса называла дату неделей раньше. В качестве места её проведения упоминались тюрингские города Эрфурт и Гота, хотя на самом деле конференция состоялась в помещении советского те-

³⁸ Иоффе А. Германская революция... С. 37.

³⁹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15 об.—16.

⁴⁰ «Soyons fortes et accelerons la revolution in Allemagne. Иного выбора нет», — писал он Иоффе 18 октября (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 7265, л. 1). Эта фраза не вошла в ПСС Ленина (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 195).

⁴¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 23.

леграфного агентства «РОСТА», где работал один из лидеров группы «Спартак» Э. Майер⁴².

Ввиду плотной полицейской слежки за персоналом полпредства Иоффе не принимал непосредственного участия в конференции. Можно предположить, что накануне её организаторы обсуждали с ним проекты итоговых документов, и те подверглись правке в сторону крайнего радикализма. «С большим трудом мне удалось добиться их согласия подписать прокламацию, которую я написал», — сообщал Иоффе Ленину об итогах «спартаковской» конференции в характерной для себя манере, превознося собственную роль в событиях, которые, как он считал, способны изменить ход истории⁴³.

17 октября Иоффе одобрил публикацию материалов конференции в советской прессе. Уже на следующий день Ленин написал письмо членам группы «Спартак» «с надеждой на то, что в ближайшем времени можно будет приветствовать победу пролетарской революции в Германии»⁴⁴. В тот же день в «Правде» появились первые сообщения о конференции, подававшие её как событие исторического значения: «Немецкие социал-демократы-интернационалисты... образуют в Германии коммунистическую партию»⁴⁵. Публикация итоговых документов конференции показала, что о создании партии говорить было ещё рано, хотя в своих решениях под давлением советского полпреда «спартаковцы» взяли более радикальный тон, чем ранее.

Противоречивые сообщения из Берлина попытался свести воедино Радек. В полемическом «шпагате» он утверждал, что конференция «положила основание» Германской компартии, которая, однако, не может считаться созданной, пока её признанные лидеры сидят в тюрьмах, а среди оставшихся на свободе «пока ещё берёт всё-таки верх стремление оставаться вместе с независимыми»⁴⁶. Выдавая желаемое за действительное, Радек называл левых деятелей рабочего движения «немецкими большевиками», из рядов которых «выйдут в будущем руководители рабочего германского государства». Иоффе, находившийся в тот момент в плотном контакте с немецкими соратниками, избегал раздавать в своих письмах из Берлина столь далеко идущие авансы.

О демонстрации, проведённой левыми социалистами 16 октября 1918 г. у стен рейхстага (в тот день возобновившего работу), полпред написал Ленину уже после того, как о ней появились сообщения в советской прессе. В отличие от её восторженных оценок (демонстранты вступили в столкновение с полицией, прорвались к королевскому замку, проходя мимо здания полпредства, приветствовали этот символ русской революции) Иоффе был вынужден признать, что первый блин вышел комом. Из-за того, что ни руководство НСДПГ, ни группа «Спартак» не подписались под призывом к демонстрации, она собрала всего несколько сотен рабочих и, «во всяком случае, производила жалкое впечатление».

Ещё большую роль сыграло негативное отношение к массовой акции членов Революционного совета заводских старост Берлина — организации, действовавшей в глубоком подполье. Иоффе так изложил аргументы её лидеров: «Своё несогласие принять демонстрацию они мотивировали двояко: во 1) по их словам массовое настроение среди рабочих — выжидательное в связи с мирной оффензивой и их жадной мира, во 2) среди рабочих господствует убеждение,

⁴² Luban O. Neue Forschungsergebnisse über die Spartakuskonferenz im Oktober 1918 // Die Novemberrevolution 1918/19 in Deutschland. Für bürgerliche und sozialistische Demokratie. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin, 2009. S. 68–78.

⁴³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 16.

⁴⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 195–196.

⁴⁵ Мещеряков Н. Этапы германской революции // Правда. 1918. 18 октября.

⁴⁶ Радек К. Коммунистическая партия в Германии // Там же. 23 октября.

что на демонстрацию надо идти вооружёнными и не заниматься теперь “пустяками”»⁴⁷.

В последующие две недели социально-политический конфликт в стране резко обострился, даже социал-демократы большинства с каждым днём брали всё более жёсткий тон в своих переговорах с властями⁴⁸. Под давлением слева правительство шло на уступки. Так, был выпущен из тюрьмы лидер группы «Спартак» К. Либкнехт. Слабость и колебания «верхов» только подстёгивали энергию и решимость «низов». Письмо Ленину от 19 октября стало последним, где Иоффе дал развёрнутую оценку революционной ситуации в Германии. Вероятно, это было следствием громкой кампании в берлинской прессе, которая изображала советское полпредство «гнездом революционных заговорщиков».

«Если я в своей работе раньше мог опираться на общественное мнение, чтобы несколько облегчить нажим правительства, — сообщал полпред, — то теперь наоборот, правительство лучше ко мне относится, нежели буржуазия, которая из боязни большевизма готова объединиться, помириться и согласиться с кем угодно, только бы против нас»⁴⁹. Берлинские обыватели передавали друг другу невероятные слухи о тоннах взрывчатки, хранившейся в подвале полпредства, и о миллионах рейхсмарок, которые раздавались «спартаковцам» и прочим «террористам». Сотрудники полпредства неоднократно получали «доверительную информацию» о том, что полицейские власти готовят против них масштабную провокацию.

Сам Иоффе в последних письмах ссылался на невероятно выросшую загруженность. Помимо подготовки развёрнутых политических отчётов, которые осенью отправлялись в Москву несколько раз в неделю, он постоянно встречался с представителями обоих течений в правящей верхушке Германии — сторонниками скорейшего соглашения с Антантой и приверженцами войны до победного конца, пусть даже в союзе с Советской Россией. Последние, которых полпред не без сарказма называл «оптимистами», представляли консервативную часть политического спектра. К их числу принадлежало и большинство высших военных, всё ещё убеждавших кайзера, что германская армия сможет продержаться на Западном фронте до весны 1919 г.

Иоффе писал Ленину и Чичерину 17 октября 1918 г.: «Рассуждают эти оптимисты приблизительно так: большевики не могут не понять, что при заключении всеобщего мира Антанта с ещё большей энергией пойдёт против них и что Германия даже против своей воли неизбежно будет втянута в этот крестовый поход против большевизма, следовательно, большевики искренне заинтересованы в том, чтобы Германия продолжала войну с Антантой, а так как они и сами ведут с ней войну, то возможна и необходима взаимная поддержка»⁵⁰. Тезис Иоффе о наличии двух течений в правящей элите Германии почти дословно повторил Ленин, выступая на объединённом заседании ВЦИК и Московского Совета фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.⁵¹

Идея союза России и Германии против ведущих держав Запада под лозунгом социального или политического реванша будет занимать правящие круги обеих стран на протяжении всего межвоенного периода. Осенью 1918 г. Ленин резко высказался против любого сближения с Антантой, очевидно, не без сопротивления в рядах собственного окружения. Внешне соглашаясь с вождём, Иоффе в переписке с ним «чужими устами» пытался изложить одну из возмож-

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 24.

⁴⁸ См.: *Шейдеман Ф.* Крушение германской империи. М.; Пг., 1923. С. 244–254.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 58.

⁵⁰ Там же, л. 49.

⁵¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 119.

ных внешнеполитических комбинаций, которую в последующие годы называли «союзом париив Версаля».

В реалиях осени 1918 г. расчёты на такой союз выглядели не более чем «фантазией», как справедливо отмечал Иоффе: и доминирующая часть германской элиты, и государства, возникшие на обломках Российской империи, в первый же удобный момент переметнутся на сторону сильнейшего. Последующие события подтвердили его вывод о том, что «немцы если прямо не сговорились с Антантой в России, то, во всяком случае, скорее готовы увидеть там её полную победу, нежели нашу, то есть наше распространение до их границ»⁵².

Правда, не всегда классовый анализ возникавшей системы международных отношений оказывался исчерпывающим и безупречным. Порой в переписке с Москвой он сводился к расхожим фразам: «объединение империалистов против нас происходит с кинематографической быстротой», массы социал-демократических рабочих пока ещё находятся на стороне контрреволюции и т.п.⁵³ В дополнение к этому любые геополитические построения советского полпреда, обращённые в будущее, основывались на уверенности в близкой мировой революции пролетариата, что придавало им оттенок фатализма.

Сам полпред постепенно пришёл к пониманию того, что такой подход (уже однажды продемонстрированный советской делегацией во время переговоров в Бресте) чреват серьёзными потерями в отстаивании государственных интересов. Однако до самого последнего дня своего пребывания в Германии он пытался совмещать в повседневной работе и то, и другое, отдавая себе отчёт в том, что долго продержаться в таком дипломатически-революционном «шпагате» ему не удастся. 24 октября 1918 г. Иоффе объяснил это Ленину и Чичерину на конкретном примере: «Если бы я вчера вышел на балкон с речью, когда демонстранты притащили сюда Либкнехта, я переборщил бы, ибо меня, наверное, выслали бы, но если бы я сегодня не устроил празднества в честь Либкнехта у себя в посольстве, я согрешил бы в другом отношении»⁵⁴.

В последние дни октября разрыв дипломатических отношений воспринимался обеими сторонами как давно решённое дело. Балансируя на кончике иглы, полпред Иоффе делал ставку на выигрыш времени, рассчитывая, что революция в Германии в любой момент сможет обогнать кайзеровских чиновников. Следовательно, писал он, «помимо революционной работы необходимо ещё здесь дипломатничать», т.е. продолжать маневрировать и уходить от обязывающих заявлений. Германское правительство в первую очередь волновал вопрос о том, когда Россия объявит о денонсации Брестского мира.

В зависимости от поступающих сообщений о положении на Западном фронте полпред колебался в вопросе об уплате третьего репарационного взноса, на котором настаивала немецкая сторона, считая это символом сохранения договорных отношений. Здесь советская дипломатия находилась в состоянии цугцванга: в случае уплаты Советская Россия оставалась для европейских держав пособником Германии, а в случае отказа — теряла авторитет среди германских и австрийских рабочих (которые подумают, писал Иоффе, что Россия перешла на сторону сильнейшего).

Впрочем, в таком же положении находились и правители стран Антанты, колебавшиеся между установкой на жёсткий мир с Германией по типу Брестского и следованием умеренной линии, предложенной президентом США Вильсоном. Если бы в начале ноября 1918 г. «Британия и Франция представляли, сколь близка к распаду была Германия, то могли бы с лёгкостью нарушить планы Вильсона. Революционная волна окончательно лишила Германию

⁵² АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 60.

⁵³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 169—170.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 74.

способности противостоять их дальнейшему военному продвижению»⁵⁵. Этот тезис, ставший общим местом в научных трудах, появившихся к столетию начала Первой мировой войны, для её современников не был столь очевиден.

Донесения полпреда Иоффе, сдерживавшие в октябре 1918 г. революционную энергию Ленина, уберегли в тот момент Советскую Россию от непродуманных действий, основанных на следовании принципу пролетарского интернационализма. Политическая деятельность советского полпредства в Берлине являлась важной составной частью того балансирования между Антантой и Германией, между правительствами мировых держав и противостоявшими им социальными силами, которое характеризовало внешнюю политику большевиков в первый год их нахождения у власти.

Можно только предполагать, как повёл бы себя Иоффе, если бы застал в Берлине начало германской революции. Государственная машина кайзеровской империи нанесла упреждающий удар: устроив провокацию, она добилась высылки советского полпредства. Его персонал, не получив и суток на сборы, в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. под полицейским конвоем был размещён в особом поезде, который тут же начал движение на Восток. Первый отрезок советско-германских отношений завершился. Его символами стали не только перемирие на Восточном фронте и Брестский мир, но и советское полпредство в Берлине.

В заключение — ответы на вопросы, поставленные в начале статьи. В оценках новой конфигурации международных отношений Иоффе исходил из доктринальной веры в близость мировой пролетарской революции, хотя в практической работе отстаивал государственные интересы Советской России. Осенью 1918 г. он одновременно информировал Москву о «подстёгивании» немецких левых социалистов к решительным действиям и настаивал на участии советских дипломатов в международной конференции по итогам Первой мировой войны. В первом случае речь шла о раскачивании внутривнутриполитической ситуации в Германии, пусть даже ценой разрыва отношений между двумя странами, во втором — об использовании всех средств дипломатии («дипломатничанья», как едко заметил Ленин) для того, чтобы удержать Антанту от прямой интервенции в Россию, исход которой не сулил для последней ничего хорошего.

Такая стратегия имела мало общего с общепринятой практикой отстаивания национальных интересов, скорее напоминая азартную игру на опережение. Вопрос стоял так: либо германская революция и война двух пролетарских государств с политическим Западом, либо наступление Антанты на Восток при косвенной поддержке враждебного России берлинского правительства. Последнее напоминало обстановку весны 1918 г., когда большевики оказались одни перед наступавшей на Петроград германской армией. Именно к этой ситуации отсылал Иоффе своих адресатов, вначале осторожно намекая на возможность договориться с Антантой, а потом, после жёсткой критики из Москвы, настаивая на том, что участие России в мирной конференции было бы оптимальной трибуной для международной агитации большевиков.

Позиция Ленина, оформившаяся в последние дни сентября 1918 г., была бескомпромиссной: никакого сближения с Антантой, курс на открытый разрыв с кайзеровской Германией и максимальная поддержка революционных сил в этой стране. Следует отметить, что обе составляющие этой поддержки, озвученные в резолюции ВЦИК 3 октября, — максимальная концентрация хлеба в руках государства и создание массовой Красной армии — способствовали укреплению диктатуры большевиков в самой России. Осенью 1918 г. Иоффе сохранял верность линии «ни мира ни войны», считая (как и Троцкий во время

⁵⁵ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2017. С. 294.

брестских дискуссий), что затягивание дипломатических переговоров «заморозит» международную ситуацию до тех пор, пока левые силы Европы наконец-то решатся на развязывание революций в собственных странах.

То, что в феврале 1918 г. стало предметом острых общепартийных дебатов, в октябре было решено келейно — за год нахождения у власти Ленину удалось добиться непререкаемого авторитета в партии и государстве. Иоффе решил не повторять брестских ошибок и принял ленинскую линию, сведя свой план «большой игры» с Антантой к агитационному мероприятию. Обращение к его переписке с Москвой показывает, как формировалась «железная воля» партийного руководства на начальном этапе большевистской диктатуры, позволяет не только конкретизировать его внешнеполитическую стратегию, но и уточнить механизмы её реализации.

Второй информационной составляющей донесений советского полпреда стал анализ политической ситуации в самой Германии, которая к октябрю приобрела черты национального кризиса. Сохраняя верность классовому анализу, Иоффе постоянно выходил за рамки идеологической схемы «буржуазия—пролетариат». Уже весной—летом 1918 г. в своей практической работе он сделал ставку на использование противоречий между «военной партией» и «промышленниками», что принесло ощутимые результаты. Ссылки Иоффе на хорошие отношения «со здешним болотом» не были пустой бравадой. Ему оказалось проще находить общий язык с консервативными чиновниками германского МИД, чем с яркими представителями демократических парламентских партий.

Так, персонал советского полпредства упорно не замечал крупнейшую партию Германии — социал-демократов, считая их «социал-предателями»⁵⁶. И это при том, что до самого начала германской революции у Иоффе не было «никакого сомнения, что в пролетарских массах в данное время наибольшей популярностью всё ещё пользуются шейдемановцы»⁵⁷. Раскол II Интернационала (1914) сохранил свои роковые последствия для международного рабочего движения и в последующие годы. Иоффе, в недавнем прошлом сам меньшевик, за время пребывания на дипломатическом посту ни разу не усомнился в разумности курса на полное игнорирование СДПГ. Следует признать, что и лидеры этой партии не считали большевиков своими идеологическими соратниками. В результате члены советского полпредства в Германии чувствовали себя находившимися во враждебном окружении, если не считать отдельных групп радикальных социалистов, безоговорочно преданных «русскому примеру».

Третьей составляющей политических донесений Иоффе из Берлина были перспективы германской революции и поддержка сил, которых он считал её вершителями. Впрочем, на протяжении весны—лета 1918 г. речь шла не столько о поддержке, сколько о поиске таковых. На первых порах частыми гостями в полпредстве были К. и Л. Каутские, Э. Бернштейн, Г. Гаазе. Именно в их адрес звучали негативные эпитеты в донесениях Иоффе: болтуны, не способные к подпольной работе, приспособленцы, использующие политическую деятельность для того, чтобы избежать призыва в армию и т.д. Пессимизм советского полпреда в отношении революционного потенциала независимцев нарастал от письма к письму. С одной стороны, он свысока поучал их основам подпольной деятельности, с другой — считал неисправимыми пацифистами, боявшимися большой крови предстоявшей Гражданской войны. Из старой гвардии немец-

⁵⁶ «Полномочное представительство, поддерживавшее сношения с представителями всех политических партий Германии, включительно до крайне правых, из партийно-политических соображений упорно отказывалось вступать в какие бы то ни было отношения с партией шейдемановцев, несмотря на все попытки сближения со стороны последних» (Иоффе А. Германская революция... С. 37).

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 22.

ких социалистов полным доверием советского полпреда пользовались только К. Цеткин и Ф. Меринг.

На словах признавая необходимость скорейшего организационного размежевания с «соглашателями», представители левого крыла НСДПГ на практике проводили с ними политику совместных действий, не оставляя надежды на перехват массовой базы независимцев. Предложенная Иоффе тактика повсеместного провоцирования властей не была проведена в жизнь в полном объёме. Более жёсткий тон листовок группы «Спартак» отвечал социально-политической ситуации в стране и вряд ли являлся результатом инструкций, полученных в советском полпредстве.

Его персонал не имел прямых связей с подпольной организацией «революционных старост» Берлина — органом, готовившим массовые акции протеста вплоть до вооружённого восстания. Деньги на закупку оружия Иоффе передавал лидерам этой организации через независимца Э. Барта, который после начала революции всячески отрицал факт их получения⁵⁸. Осенью в здании полпредства появилась типографская техника и началось печатание революционных листовок — ещё одно подтверждение того, что «обнаружение» их в дипломатическом багаже из Москвы было довольно неуклюжей провокацией германской полиции.

Не порывая связей с советскими дипломатами, «спартаковцы» отстаивали собственное видение и российской, и будущей германской революций. К. Либкнехт в беседе с одним из сотрудников полпредства заявил, что «революция в Германии не потребует сотен тысяч жертв. Человеческий материал совершенно другой, страна к этому подготовлена длинным периодом социального законодательства и ужасной войной. Я думаю, я твёрдо надеюсь, что мы проведём революцию в Германии с применением гораздо меньшего насилия, ибо всё здание уже подгнило, оно само распадается»⁵⁹.

Несмотря на то что некоторые члены группы «Спартак» работали в советском полпредстве и в телеграфном агентстве «РОСТА», Иоффе не имел полной информации о дискуссиях внутри её руководства. В его донесениях не упоминается брошюра Люксембург, содержавшая критический анализ большевистской диктатуры. О том, что подготовка рукописи к публикации остановлена усилиями ряда ведущих «спартаковцев», в Москве узнали из письма российско-итальянской социалистки А.И. Балабановой, побывавшей в Берлине накануне краха монархии Гогенцоллернов⁶⁰.

В работе, написанной в тюрьме, Люксембург не щадила своих российских единомышленников, утверждая, что всевластие «горстки политиков», задушивших самостоятельность трудового народа, несовместимо с понятием диктатуры пролетариата⁶¹. Акцент на широкие массовые акции в противовес формированию кадрового подполья поддерживал и Иоффе. Здесь сказывалось его близкое знакомство с реалиями немецкой политической жизни. В одном из писем Ленину он почти извинялся за собственное инакомыслие: «Вы, может быть, скажете, что это меньшевистская отрывка, но я по-прежнему придаю гораздо большее значение широким политическим акциям, нежели той нелегальной работе, которую *можно и должно* делать в Германии, в Австрии и на Украине»⁶². Советский полпред не только мыслил, но и действовал по-люксембургински. Обсуждая с немецкими единомышленниками в октябре 1918 г. подготовку воо-

⁵⁸ Об обмене радиোগраммами между Иоффе и членами Совета народных уполномоченных в ноябре 1918 г. см.: *Иоффе А. Германская революция...* Приложение. С. 43–46.

⁵⁹ *Ларсонс М.Я.* В советском лабиринте. Париж, 1932. С. 41.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 80, л. 2.

⁶¹ *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. М., 1991. С. 332.

⁶² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 26.

ружённого восстания, он предлагал вначале провести всеобщую политическую забастовку, для того чтобы выяснить реальное соотношение сил в стране⁶³.

Иоффе так и не удалось увидеть воочию германскую революцию. Обмен персонала полпредств произошёл 16 ноября 1918 г. на демаркационной линии неподалёку от станции Борисов в Белоруссии. В тот же день Иоффе отправил в Москву последнее письмо с характеристикой событий в Берлине, сделав акцент на том, что все его предсказания сбылись: «В Германии переменялась только вывеска, а всё осталось по-прежнему. Теперь — керенщина самого скверного пошиба... Политически положение определяется боязнью перед Антантой, объявившей крестовый поход против большевизма, и следовательно, нежеланием связывать свою судьбу с нашей»⁶⁴. Фактически Иоффе расписывался в том, что его предыдущая революционная деятельность не увенчалась успехом, однако в том же письме строил планы скорейшего возвращения в Берлин.

Отправив сотрудников советского полпредства в Москву, он остался в Белоруссии, бомбардируя новое правительство Германии — Совет народных уполномоченных — требованиями немедленного возобновления дипломатических отношений между двумя революционными режимами. Шла неделя за неделей, а германский Февраль всё никак не хотел уступать своё место Октябрю. Дело ограничилось провозглашением в стране ряда локальных советских республик, что лишь отчасти скрашивало разочарование руководства РКП(б).

Получив известие о том, что мюнхенские коммунисты просят прислать к ним официального представителя Советской России, Иоффе 5 марта 1919 г. писал Ленину из Вильно: «Сомнительно, чтобы при таких условиях Баварская Советская республика долго продержалась. Но очень важно было бы, чтобы хоть за короткое время своего существования она наглядно показала бы немцам, что такое Советская власть». Он хотел бы нелегально «прошмыгнуть через Пруссию» с фальшивым паспортом, для чего вчерашнему дипломату и вечному революционеру было необходимо не так уж много: «Присылайте поскорее Ваше “отеческое благословение”, некоторое количество марок открыто и чemoдан с заделанной в нём большой суммой марок и верительными грамотами»⁶⁵.

Авантюрная поездка Иоффе из столицы Литвы в столицу Баварии, способная дать сюжетную канву для приключенческого романа, так и не состоялась. В начале мая красный Мюнхен пал, став жертвой как разногласий в руководстве Баварской Советской республики, так и карательной экспедиции из Берлина⁶⁶. За редкими исключениями «звёздный час» в жизни политиков и революционеров случается лишь однажды. Через десять лет после своего Бреста и Берлина Иоффе, лишённый всех государственных постов и преследуемый властями сторонник троцкистской оппозиции, покончил жизнь самоубийством.

⁶³ Иоффе А. Германская революция... С. 39.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 110.

⁶⁵ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 137.

⁶⁶ См.: Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. М., 2014.